

Джураева Шоира Исроиловна  
преподаватель русского языка и литературы  
кафедры «История и филология»  
Азиатского международного университета  
[jurayevashoira74@gmail.com](mailto:jurayevashoira74@gmail.com)

## ОБОБЩЁННО-СОБИРАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФОРМ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА КОНКРЕТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

**Аннотация.** *Обобщенно-собирательное значение формы единственного числа конкретных существительных означает, что это слово в единственном числе обозначает группу или совокупность предметов, лиц или явлений, рассматриваемых как единое целое. Об этом идёт речь в данной статье.*

**Ключевые слова.** *Обобщённо-собирательное значение, синекдохическое употребление, коррелятивные формы числа, совокупность, устойчивое словосочетание.*

### GENERALIZED-COLLECTIVE MEANING OF SINGULAR FORMS OF CONCRETE NOUNS

**Annotation.** *The generalized-collective meaning of the singular form of specific nouns means that this word in the singular denotes a group or collection of objects, persons or phenomena considered as a single whole. This is what this article is about.*

**Keywords.** *Generalized-collective meaning, synecdochical use, correlative forms of number, totality, a set phrase.*

С формой единственного числа конкретного существительного связывается, как правило, значение единичности, сопутствующее основному лексическому значению слова. Однако форма единственного числа широко употребляется и для обозначения множественности, при этом она приобретает обобщающее или собирательное значение.

1. Обобщенное значение, когда ед. число называет класс однородных предметов: Кроет уж **лист** золотой Влажную землю в лесу, Смело топчу я ногой Внешнюю леса красу (Майков «Осень»). В саду служанки, на грядах, собирали **ягоду** в кустах (Пушкин «Евгений Онегин»).

2. Собирательное значение. Ед. число заменяет мн. число, употребляясь для обозначения множества предметов, лиц, явлений, связанных с конкретной ситуацией. Множество при этом воспринимается как единое целое, как совокупность. Например: Что должна дать **ребёнку книга**? **Книга** должна развивать у **ребёнка** мечту. (А.Толстой «Детство Никиты»); Магазины ждут своего **покупателя**. **Читатель** - составная часть искусства (А.Толстой «О читателе») **Швед, русский** колет, рубит, режет (Пушкин «Полтава»). И ты не будь в работе долог, исполни, шахтёр, перед рабочими долг! (Маяковский «Облако в штанах»)

В собирательном значении выступают наименования лица в устойчивых словосочетаниях

типа:

День **рыбака**. День **учителя**. Комната **матери** и **ребенка**. Дом **игрушки**.

Иногда возможно совмещение двух значений: собирательности и единичности. Читателю отвечают (газета обращается к одному и одновременно - ко всем читателям).

3. Дистрибутивное значение. Формы ед. числа употребляются вместо множественного при обозначении нескольких предметов, каждый из которых принадлежит одному из множества лиц. Люди шли, обвязав носы и рты платком. (Л.Н.Толстой «Война и мир»). Повелено брить им бороду. (Пушкин «История Пугачёва»). Бунтовщики потупили голову. (Пушкин «Капитанская дочка»). И царевна очутилась В светлой горнице; кругом Лавки, крытые ковром (Пушкин «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях») Все привстали, важно хмурясь, Низко-низко поклонилися И, поправив ус и бороду, Сели на скамьи дубовые (Пушкин «Бова»).

Формы единственного числа наряду с собственно собирательными именами морфологического образования широко употреблялись в древнерусских летописях и в традиционной народной поэзии. Исследователи отмечают синекдохическое употребление единственного числа вместо множественного как типическую черту в литературе русского классицизма XVIII в. Богатый материал в этом плане даёт классическая литература XIX в. Наконец, чрезвычайно популярны эти формы в современный период развития русского языка.

Указанное употребление форм единственного числа издавна обращало на себя внимание исследователей. Так, А. А. Потебня рассматривал «обычные в славянском языке и др. случаи, когда ед. число существительного конкретного (т. е. с субстанцией, которая не стала мнимой и для современной нам мысли) является образом сплошного множества: привалила птица к круту берегу». Данной проблеме посвящены и многие современные исследования. Как свидетельствуют авторы современного словаря, сегодня наблюдается следующее соотношение выражений типа **читатель** ждёт книг - **читатели** ждут книг: 60,66% - 39,34 %.

Длительность и частотность употребления форм единственного числа конкретных существительных в собирательном значении очевидна, но

описание и осмысление фактов такого употребления, несмотря на известное внимание к этой проблеме, все же остается неудовлетворительным.

В некоторых работах можно встретить следующие группы существительных, употребляемых в обобщенно-собирательном значении:

1) названия лиц по профессии, общественной и политической деятельности;

2) обозначения животных, птиц, рыб, злаков, машин и других предметов, связанных с практической деятельностью человека. Таким образом, оказывается, что в обобщенном виде названы все вообще группы конкретной лексики, ибо что же еще могут обозначать конкретные существительные, если не людей, животных и предметы, с которыми связан человек в своей практической деятельности? Вопрос о группах существительных, для которых характерно употребление форм единственного числа в обобщенно-собирательном значении, представляется сложным уже потому, что слова, относящиеся к одной тематической группе, ведут себя в этом отношении

по-разному. Так, в статье А. К. Поливановой проанализирована группа существительных, называющих плоды, овощи, цветы и имеющих коррелятивные формы числа, и показано различие в выражении собирательного значения. Одни существительные строго употребляются только в форме единственного числа при обозначении собирательного множества: в магазин привезли **тыкву, свеклу, репу, брюкву**, другие в форме множественного числа: в магазин привезли **лимоны, мандарины, огурцы, помидоры** (при невозможности в подобном контексте «тыквы, свеклы, репы, брюквы», с одной стороны, и «лимон, мандарин, огурец, помидор» - с другой)

Эти факты свидетельствуют о необходимости более тщательного изучения употребления форм единственного числа существительных, что имеет не только важное теоретическое значение, но и практическую направленность, например, в связи с преподаванием русского языка как неродного. Одна из основных особенностей описания морфологических категорий, ориентированного на нерусских, заключается в том, чтобы представить эти категории как функционирующие, показать их употребление в речи.

Детальное рассмотрение вопросов, связанных с употреблением форм единственного числа в обобщенно-собирательном значении, представляется важным и для лексикографической практики. Если о существительных *Singularia w Pluralia tantum* (это лингвистическое выражение, обозначающее существительные, которые могут употребляться только в единственном или только во множественном числе) толковые словари, хотя и непоследовательно, дают информацию (пометы «только ед.», «только мн.»), то для существительных с двучисловой парадигмой указаний на возможность или невозможность употребления формы единственного числа в собирательном значении почти нет. Следовательно, из толкового словаря читатель не сможет извлечь информацию о том, что одни существительные употребляются в собирательном значении только в форме единственного числа (в магазин привезли **кильку**, **воблу**, **тюльку**), а другие только во множественном числе (в магазин привезли **креветки**, **омары**). Не можем мы почерпнуть этих сведений и из «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка из-за допущения, принятого автором: от любого существительного (вещественного, абстрактного, собирательного) потенциально возможны формы множественного числа. Поэтому в словаре есть пометы только при существительных *Pluralia tantum*, но нет при *Singularia tantum*, и тем более нет информации по интересующему нас вопросу. Между тем очевидно, что, если не в общем толковом словаре, то в специальном, отражающем особенности числового поведения существительных, такая информация должна содержаться.

В современном русском языке одни существительные, имея в основном (конкретном) значении соотносительные формы единственного и

множественного числа, развивают собирательное значение, с необходимостью связанное с формой единственного числа. В этих случаях можно говорить о лексикализации формы единственного числа. Таковы, например, слова птица,

рыба. Ср. В магазине, рассказывает лаборантка Е. Балакирева, есть **птица** или мясные продукты. Её (фермы) продукция **птица**, яйца, сенная мука.

В таких контекстах единственно возможна и нормативна форма единственного числа (здесь наблюдается определенная близость к вещественному значению, но ср.: разводить **птицу** на ферме - в таком случае значение существительного птица трудно квалифицировать как вещественное). Аналогично числовое поведение существительного рыба: Плещет рыба. Бушует река // взбаламучена донная тина... (Ю. Панкратов, «Путина»).

И когда на месте ожидаемого в соответствии с нормой единственного числа появляется форма множественного числа, создается определенный

стилистический эффект. Ср. у В. Маяковского: Никто не режет **рыб** ножом и обычное. **Рыбу** не следует резать ножом.

С формой рыбы, кроме значения множественности, противопоставленной единичности, может связываться значение сортности, разных видов рыбы. Ср: (Невод) 50 метров длины, 80 миллиметров ячея это на леща, судака, сазана, толстолобика. **Рыбы** хорошие, вкусные.

Между разными значениями слов птица и рыба (собирательным и несобирательным) нет резкой разграничительной линии. Ср.: Во время оно в родовой усадьбе моей были куры, гуси, индейки - **птица** глупая, нерассудительная, но весьма и весьма вкусная (А. Чехов. Добродетельный кабатчик). В таком предложении возможна и форма единственного числа в собирательном значении, и форма множественного числа.

Для слов типа птица, рыба словарь должен давать указание на отдельное значение - значение собирательности, совокупности, опирающееся только на форму единственного числа. Такие пометы словарями даются, однако не

всегда последовательно. Так, в словаре С. И. Ожегова указано значение собирательности для существительного птица (такие животные как предмет разведения, охоты, продукт питания), но не указано для существительного рыба, хотя числовое

80 поведение этих слов совершенно идентично и оба эти существительные следует снабдить пометой: «собр., только ед.». Ср., однако, помету в БАС: для обозначения класса у существительного рыба употребляется форма множественного числа. Хотя в понятии класса и присутствует идея собирательности (класс - **совокупность** однородных предметов, обладающих каким-либо определенным качеством, свойством, отношением), но на первый план выдвигается идея множества составляющих класс элементов: класс **земноводных**, класс **рыб** и т. п.

Лексикализуется форма единственного числа в собирательном значении и у существительного брат, причем собирательное значение проявляется в

определенной конструкции при наличии определения. Ср.: Серёжа узнал старуху, хотя она не узнала его, да и немудрено здесь побывало столько их

**геологического брата** (Е. Евтушенко. «Ягодные места»). Ср. также: **Наш брат студент** и под.

Норма не останется неизменной в отношении форм единственного и множественного числа в собирательном значении. Так, существительное неприятель в собирательном значении «враг, военный, противник» сегодня опирается только на форму единственного числа, а в литературе XIX в. встречается и в форме множественного числа. Ср.: «Мы никогда еще... не снюхивались с **неприятелями**» (Н. Гоголь. «Тарас Бульба»).

Кроме существительных, с необходимостью, требующих в собирательном значении формы единственного числа, существует огромное количество слов, у которых в этом значении допустимы обе формы, притом, однако, что какая-либо форма оказывается предпочтительной в стилистическом отношении: враг - враги, читатель - читатели, волк - волки и др. В работах, посвященных анализу форм единственного числа существительных в обобщенно-собирательном значении, отмечается продуктивность этих форм, их живой, развивающийся характер в отличие от собирательных существительных, образованных суффиксальным способом. Такие формы обладают образностью, выразительностью. Хотя в этих случаях (в отличие от существительных типа птица, рыба) как будто возможна взаимозаменяемость (**читатель** ждёт книг-**читатели** ждут книг), при ближайшем рассмотрении оказывается, что форма множественного числа стилистически непригодна во многих случаях. Стенную газету неизмеримо лучше назвать Здравствуй, **первокурсник!** а не «Здравствуйте, первокурсники!» при всей логичности второй конструкции. На плакате привычно употребление только формы единственного числа: **Хлебороб**, даёшь фронту хлеб! **Рабочий**, береги электроэнергию!

Одни авторы относят к собственно собирательным существительным употребляемые в собирательном значении формы единственного числа (два зерна, по хлеб в зерне собир). Их называют собирательными существительными, образованными с помощью трансформации. Другие авторы считают, что здесь правомернее говорить не о собирательных существительных, а об употреблении других существительных в собирательном, т. е. несобственном, значении.

В некоторых художественных произведениях отмечается совокупное множество): **Пресса** металась по перрону, размахивая лакированными фанерными саквояжами. (И. Ильф, Е. Петров «Золотой телёнок»)

Одной из причин широкого употребления форм единственного числа в собирательном и обобщенном значении является отсутствие или утрата в настоящее время соответствующих суффиксальных собирательных существительных. Так, у Л. Толстого встречаем собирательные существительные, утраченные в настоящее время, - священство, христианство, солдатство. Ср.: Он дрался и буянил не столько для собственного удовольствия, сколько для поддержания духа всего **солдатства**, которого он чувствовал себя представителем (Л. Толстой. «Рубка леса»).

В настоящее время в обобщенно-собирательном значении употребляется форма единственного числа солдат. Ср.: Мне не хотелось идти в учебную команду, но взводный,

которого я искренне уважал за его ум, порядочность и любовь к **солдату**, уговорил меня пойти учиться (Г. Жуков. «Воспоминания и размышления»).

Если бы здесь была форма множественного числа солдаты, то могла бы возникнуть двусмысленность: можно было бы подумать, что речь идет о конкретной группе солдат какого-то воинского подразделения. Но здесь, по-видимому, речь идет о любви к солдату вообще, как к рядовому армии, стоящему на нижней ступени армейской иерархии. Нежелательность формы множественного числа в подобном контексте связана с особенностью значения множественного числа, а именно с традиционно присущим ему значением расчлененности.

Изучение существительных, имеющих конкретную семантику и допускающих употребление формы единственного числа в обобщенно-собирательном значении, выявляет одну важную особенность их значения: все они не обладают индивидуальностью значения. Существительные, используемые в форме единственного числа в обобщенно-собирательном значении, допускают простой счет, при котором различия между считающимися предметами полностью нивелируются, так что один член множества может репрезентировать собою все множество в целом. Так, у существительного **враг** развилось устойчивое употребление в собирательном значении **враг** отстывает. Это употребление подчеркивается и толковыми словарями, и Словарем сочетаемости слов русского языка (под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина), хотя, безусловно, употребителен и вариант **враги** отступают. Это существительное не обладает индивидуальностью значения, один представитель может репрезентировать все множество. Напротив,

существительное **друг**, обладающее индивидуальностью значения, не развивает на базе формы единственного числа собирательного значения: всегда, когда речь идет о множественности, даже собирательной, употребляется форма множественного числа - **друзья**. На современном этапе развития языка с формой **друзья** связываются значения и простой, и собирательной множественности.

В этой связи интересно сравнить замечание В. В. Виноградова, который писал, что «особенно часто употребление форм единственного числа в

собирательном значении у слов, которые обозначают маленьких животных»

В самом деле, наименования мелких животных менее обладают индивидуальностью значения: одна особь, как правило, способна представлять собою целое множество. Ср.: Препарат, который стал выпускать завод «Прогресс» с начала года, губит колорадского **жука** - настоящего бича картофельных плантаций.

Благодаря тому, что лето было очень жаркое и сухое... появилась во множестве **гусеница**, которую работники и даже Егор Семенович и Таня, к великому омерзению Коврина, давили прямо пальцами (А. Чехов, «Черный монах»)

В таких контекстах нет необходимости в формах множественного числа жуки, гусеницы, так как представление об однородном множестве может дать и форма единственного числа.

Этим рассуждениям как будто противоречат примеры, приведенные ранее: В магазин привезли **огурцы, помидоры, креветки, омары** (при невозможности употребления в данной конструкции форм единственного числа). Эти слова тоже не обладают индивидуальностью значения. Думается, что дело здесь в том, что в подобных употреблениях значение этих существительных приближается к вещественному. В этом убеждает и возможное употребление формы винительного падежа, сходного с именительным у слов **креветки, омары**, что возможно только при осмыслении их не как предметных, а как вещественных существительных. А значение вещественности в русском языке, как известно, может опираться и на форму единственного числа, и на форму множественного числа.

Широкое распространение существительных с обобщенно-собирательным значением в форме единственного числа, по-видимому, может служить одним из доказательств аналитических тенденций в русском языке. Когда в лингвистической



- 82 литературе речь идет об элементах аналитизма грамматического строя русского языка, то обычно говорится об иноязычных несклоняемых существительных, прилагательных, аббревиатурах, топонимах на -ово, -ино, числительных, реже о двувидовых глаголах и почти никогда о числовых формах существительных. Между тем возможность выражения одной конструкцией **читатель** ждёт книг двух противопоставленных значений «один читатель ждет книг» и «все читатели ждут книг» приводит к необходимости учёта более широкого контекста для правильного понимания высказывания. Грамматическое значение числа как сопутствующее основному лексическому значению представление о единичности или множественности объекта оказывается оторванным от формы, оно проявляется только в контексте. Поэтому значительное распространение употребления форм единственного числа в обобщенно-собирательном значении может быть расценено как одно из проявлений аналитизма в грамматическом строе русского языка.

### **Использованная литература**

1. Виноградов. В.В. Русский язык. М., 1972.С.132
2. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т.3.М., 1968. С.25.
3. Граудина Л. К. Ицкович В. А. Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976, С. 110
4. Поливанова А. К. Выбор числовых форм существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1981. М. 1983.
5. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972.
6. <https://studfile.net/preview/12388529/page:3/>